

Учитель сродни вечности;
он и сам не знает, где конча-
ется его влияние.

Генри Адамс

Невинный подобен только
что снесенному яйцу.

У. С. Гилберт

1

Контрольные вопросники подобны убий-
цам, подстерегающим свою жертву в за-
саде. У жертвы они вызывают страх и ненависть, у
охотника — легкое головокружение от осознания
своего могущества.

У Крейга Фостера был перерыв на завтрак. Он
собирался не только позавтракать, но и усовершен-
ствовать контрольный вопросник по истории США.
И он прекрасно знал, как встретит эту новость класс.
Вопросники без предупреждения неизменно вызыва-
ли у школьников стоны, вздохи, горестные или па-
нические возгласы. Крейг их прекрасно понимал.
Ему было всего двадцать шесть лет, не так давно он
сам занимал место в классе по ту сторону учитель-
ского стола. Он прекрасно помнил и это волнение, и
этот страх.

Крейг достал сумку с завтраком. Он был челове-
ком привычки и знал, что его жена — ну разве не за-
мечательно быть женатым! — положила ему именно
то, что он любит: сэндвич с индейкой, яблоко, со-
евые чипсы и термос с его любимым горячим шоко-
ладом.

Он никогда не просил свою жену собирать ему в
школу сумку с завтраком или, скажем, стирать носки
и складывать их парами в правой половине верхнего
ящика комода. Но она уверяла, что ей нравится о
нем заботиться. Семь месяцев они были женаты, и

6 НОРА РОБЕРТС

это были лучшие семь месяцев его жизни. А ведь ему и раньше жилось неплохо, считал Крейг.

У него была любимая работа, и он чертовски здорово ее делал, подумал Крейг в приливе гордости. У них с Лиссет очень приличная квартирка в пяти минутах ходьбы от школы. У него были способные ученики, и — главный плюс! — они его любили.

Конечно, они будут ворчать по поводу контрольного вопросника, он заставит их попотеть, но они справятся. Прежде чем приняться за работу, Крейг отправил своей любимой жене письмо электронной почтой.

Привет, Лисси! Что скажешь, если я возьму в ресторане того супчика, что ты любишь, и большую порцию салата по дороге домой с работы?

Очень по тебе скучаю. Люблю каждый сладкий дюйм твоего чудного тела!

Сама знаешь, кто.

Крейг улыбнулся, представив себе улыбку жены, когда она прочтет его послание. Потом он вернулся к вопроснику. Глядя на экран компьютера, он налил себе из термоса первую чашку горячего шоколада и поднес ко рту сэндвич с соевыми продуктами, маскирующимися под нарезанную тонкими ломтиками индейку.

Ему еще так много предстоит дать своим ученикам! И многому предстоит научиться самому! История страны богата, многообразна и драматична, полна трагических и комических событий. В ней есть все: и романтика, и героизм, и предательство. Все это Крейг хотел донести до своих учеников, показать им, как страна и мир, в котором они живут, развивались, как вступили в 2060 год.

Крейг ел, добавлял одни вопросы, вычеркивал другие. Он отхлебнул своего любимого шоколада.

А за окном кабинета истории падал мягкий белый снег.

И так же утекали короткие минуты его собственной короткой истории, приближая его к концу.

Школы всегда нагоняли на нее нервную дрожь. Ей не хотелось в этом сознаваться даже себе самой. Это было просто унижительно. В конце концов, она крутой, все на этом свете повидавший, надравший немало задниц полицейский. Но факт оставался фактом: лейтенант Ева Даллас, возможно, лучший коп Нью-Йорка, глава убойного отдела, предпочла бы бродить в темноте по заброшенному многоквартирному дому в поисках накачанного наркотиками маньяка, чем идти по безупречно чистым коридорам гордой своим статусом школы Сары Чайлд для детей из более чем благополучных семей.

Несмотря на яркие краски стен и полов, сверкающее стекло окон, для Евы это была камера пыток.

Большинство дверей в этом лабиринте были открыты, за ними просматривались классные комнаты или кабинеты. Все они были безлюдны, только парты, столы, экраны и школьные доски.

Ева бросила взгляд на Арнетту Моузбли, директрису. Это была крепкая, статная, почти монументальная женщина лет пятидесяти, смешанных кровей, с кожей цвета светлой карамели и серо-голубыми глазами. Блестящие черные волосы обрамляли ее голову коконом упругих локонов. На ней была длинная черная юбка и короткий красный жакет. Каблуки ее туфель выбивали дробь, пока она вела Еву по коридору второго этажа.

— Где дети? — спросила Ева.

— Я велела собрать детей в актовом зале, пока родители или опекуны их не заберут. Там же боль-

8 НОРА РОБЕРТС

шинство персонала. Я сочла правильным хотя бы из уважения отменить уроки на вторую половину дня.

Директриса остановилась в нескольких футах от закрытой двери, возле которой стоял полицейский в форме.

— Лейтенант, для нас и для детей это не просто трагедия. Крейг... — Она сжала губы и отвернулась. — Он был молод, умен и полон энергии. Вся жизнь впереди и... — Она умолкла, стараясь справиться с волнением. — Я понимаю, это необходимо. Я хочу сказать, в таких делах приходится вызывать полицию. Но я надеюсь, вы будете действовать со всем возможным тактом и осмотрительностью. И, я надеюсь, можно будет подождать с... транспортировкой тела, пока школу не покинут все дети. — Теперь Арнетта Моузбли расправила плечи. — Я не знаю, каким образом такой молодой человек мог так страшно заболеть. Зачем он сегодня пришел на работу, если плохо себя чувствовал? Его жена... — он женат всего несколько месяцев — ...я ей еще не звонила. Я не была уверена...

— Вы лучше предоставьте это нам. А теперь оставьте нас на несколько минут.

— Да. Да, конечно.

— Включить запись, Пибоди, — приказала Ева своей напарнице.

Она кивнула охраннику, и он отступил в сторону.

Ева открыла дверь и встала на пороге — высокая, стройная женщина с хорошо подстриженными темно-каштановыми волосами и карими глазами, которые в эту минуту, пока она осматривала место смерти, стали бесстрастными и непроницаемыми. Потом она привычным жестом вынула из полевого набора аэрозольный баллончик с изолирующим составом и покрыла им руки и башмаки.

За почти двенадцать лет в полиции ей приходилось видеть вещи и пострашнее, чем мертвый учи-

тель истории, распростертый на полу в луже рвоты и дерьма.

Для протокола Ева назвала вслух время и место.

— Медики, прибывшие на место по вызову, появились здесь в четырнадцать шестнадцать. Объявили пострадавшего, идентифицированного как Фостер Крейг, мертвым в четырнадцать девятнадцать.

— Слава богу, медики нам попались сообразительные. Поняли, что тело двигать нельзя, — заметила Пибоди. — Несчастный ублюдок.

— Завтракал прямо за столом? В таком месте наверняка есть столовая для учителей, кафетерий, что-то в этом роде. — Оставаясь на пороге, Ева склонила голову набок. — Опрокинул термос, стул...

— Это больше похоже на приступ, чем на признаки борьбы. — Пибоди обошла кабинет истории по периметру. Ее башмаки на воздушной подошве слегка чавкали на каждом шагу. Она проверила окна. — Заперты.

Пибоди тоже склонила голову набок, изучая труп с другой стороны. Тело у нее было такое же крепкое, как у Арнетты Моузбли, но фигуре Пибоди не суждено было стать монументальной. Ее черные волосы отросли до плеч и кокетливо завивались на концах. Ева так и не смогла привыкнуть к этой легкомысленной прическе.

— Он работал за завтраком, — продолжала Пибоди. — Планировал урок или проверял тетради. Может, аллергическая реакция на что-то съеденное?

— Довольно бурная, я бы сказала. — Ева подошла к трупу, присела на корточки. Ей еще предстояло взять отпечатки пальцев, протокольно установить время смерти, провести другие следственные действия, но в эту минуту она просто изучала мертвеца.

Белки его глаз были испещрены паучьими лапками полопавшихся сосудов. На губах виднелись следы не только рвоты, но и пены.

— Пытался ползти, когда его схватило, — про-

шептала она. — Попробуй ползти к двери. Проведи официальную идентификацию, Пибоди, установи время смерти.

Распрявившись, Ева осторожно обошла лужи шлаков, извергнутых телом Крейга, подняла термос. На термосе было выгравировано его имя. Ева принюхалась.

— Думаешь, кто-то отравил парня? — спросила Пибоди.

— Горячий шоколад. И что-то еще. — Ева запаквала термос в пластиковый мешок для вещественных доказательств. — Окраска рвотных масс, признаки конвульсий, острое расстройство желудка. Да, я думаю, это яд. Медэксперт проверит. Нам надо получить у родственников разрешение на доступ к его медкарте. Так, ты поработай на месте, а я поговорю с Моузбли и приглашу свидетелей.

Ева вышла из кабинета. Арнетта Моузбли расхаживала взад-вперед по коридору, держа в руке портативный компьютер-наладонник.

— Директор Моузбли, мне придется попросить вас ни с кем пока не контактировать, ни с кем не разговаривать.

— О, я... честно говоря, я просто... — Она повернула компьютер, чтобы Ева могла увидеть мини-экран. — Игра в слова. Просто чтобы отвлечься, чем-то занять мысли. Лейтенант, я все думаю о Лиссет. Это жена Крейга. Необходимо ее известить.

— Ее известят. В данный момент я хотела бы поговорить с вами наедине. И мне нужно опросить учениц, которые обнаружили тело.

— Рэйлин Страффо и Мелоди Бранч. Офицер, приехавший по вызову, сказал, что они не должны покидать здание и что их нужно изолировать друг от друга. — Она поджала губы с явным неодобрением. — Девочки страшно травмированы, лейтенант. Они в истерике, что вполне понятно при данных обстоятельствах. К Рэйлин я послала психолога, а Мелоди

сидит с нашей школьной медсестрой. К этому времени к ним уже должны были приехать родители.

— Вы уведили их родителей?

— У вас свои порядки, лейтенант, а у нас свои. — Директриса величественно вздернула подбородок. Ева подумала, что такие жесты, вероятно, входят в обязательную программу подготовки школьных директоров. — Для меня на первом месте здоровье и благополучие моих учеников. Этим девочкам по десять лет. Они вошли в кабинет и увидели это. — Она кивком указала на дверь в кабинет. — Один бог знает, какой эмоциональный шок они испытали.

— Крейг Фостер тоже чувствует себя неважнецки.

— Я должна сделать все, что в моих силах, для защиты моих учеников. Моя школа...

— В данный момент это не ваша школа. Это место преступления, и хозяйка здесь я.

— Место преступления? — В лице Арнетты не осталось ни кровинки. — Что вы хотите сказать? Какого преступления?

— А вот это мне предстоит узнать. Я хочу допросить свидетельниц по очереди. Лучшим местом для беседы будет, думаю, ваш кабинет. При беседе может присутствовать один из родителей или опекунов.

— Ну что ж, прекрасно. Идемте со мной.

— Офицер? — Ева оглянулась через плечо. — Передайте детективу Пибоди, что я в кабинете директора.

Его рот дернулся в едва заметной усмешке.

— Есть, лейтенант.

«Совсем другое дело, — подумала Ева, — когда ты — бонза, а не простой смертный. Когда ты поджариваешь, а не тебя поджаривают». Вообще-то в свое время у нее не было, что называется, особых проблем с дисциплиной. В основном она старалась остаться незамеченной, просто проскользнуть поти-

хоньку, окончить школу и вырваться из образовательной тюрьмы, как только возраст позволит.

Но ей не всегда удавалось остаться незамеченной. Дерзкий язык и неприятие школьных порядков порой прорывались наружу, и ее вызывали в кабинет директора. И поджаривали.

Вероятно, ей, подопечной государственной системы, следовало быть благодарной за то, что государство дает ей возможность получить образование, обеспечивает крышей над головой и пищей в достаточном количестве, чтобы не умереть с голоду. Ей полагалось быть благодарной за то, что у нее есть одежда, пусть даже с чужого плеча. Предполагалось, что она должна стремиться к самосовершенствованию, но это было сложно, потому что не существовало точки отсчета. Ева сама толком не помнила, кто она такая, откуда родом, кем была раньше.

От школьных лет у нее остались лишь воспоминания о том, как ей читали высокомерные нотации, как на нее хмуро смотрели свысока.

Но больше всего ей запомнилась бесконечная, смертельная, всепроникающая скука.

Конечно, ей не довелось учиться в частной школе, оборудованной по последнему слову техники, со сверкающими чистотой классными комнатами, стильной школьной формой и соотношением один учитель на шесть учеников.

Ева готова была биться об заклад на свое месячное жалованье, что в школе Сары Чайлд не было кулачных боев в коридорах и самодельных бомб в шкафиках.

Но в этот день здесь произошло убийство.

Ожидая свидетельниц в кабинете директора Моузбли, где благодаря живым растениям и красивой посуде была умело воссоздана так называемая домашняя атмосфера, Ева просмотрела досье убитого.

Фостер Крейг, двадцать шесть лет. Уголовного досье нет. Родители живы, отметила Ева, и до сих

пор женаты друг на друге. Живут в Нью-Джерси, там же родился и вырос Крейг. Учился в Колумбийском университете с частичной стипендией, получил диплом учителя и работал над магистерской диссертацией по истории.

Женился на Лиссет Боливар в июле прошлого года.

На фотографии с удостоверения личности он казался Еве юным и восторженным. Красивый молодой человек с кожей цвета жареных каштанов. Глубокие темные глаза, темные волосы, причесанные... Если Ева правильно помнила, эта прическа называлась «кок». Волосы по бокам и сзади коротко подстрижены, а на макушке высоко взбиты.

На нем и ботинки были модные, вспомнила она. Черные с серебром, на гелевой подошве, со шнуровкой. Дорогие. А вот его спортивная куртка была скромной, коричневого цвета, да еще и с заношенными обшлагами. Приличные часы на запястье, но Еве они показались копией дорогой марки. И блестящее золотое кольцо на безымянном пальце левой руки.

Наверно, когда Пибоди закончит осмотр места преступления, в карманах у Крейга обнаружится около пятидесяти долларов мелочью.

Ева сделала несколько кратких пометок:

Откуда взялся горячий шоколад?

Кто имел доступ к термосу?

С кем он делил кабинет?

Хронологическая шкала. Кто последним видел его живым, кто первым нашел тело?

Страховка, завещание. Кто наследует?

Ева подняла голову, когда дверь открылась.

— Лейтенант? — Директор Моузбли вошла, положив руку на плечо девочки с молочно-белой кожей, усеянной веснушками, которые очень шли к ее

морковно-рыжим волосам — длинным, гладко зачесанным назад и стянутым в хвост.

На ней был синий блейзер и безупречно чистые брючки цвета хаки. Она казалась хрупкой и перепуганной.

— Мелоди, это лейтенант Даллас из полиции. Она хочет поговорить с тобой. Лейтенант Даллас, это Анджела Майлз-Бранч, мать Мелоди.

«Малышка унаследовала кожу и волосы от матери, — отметила Ева. — И мамаша выглядит такой же напуганной».

— Лейтенант, я хочу спросить: неужели это не может подождать до завтра? Сейчас мне хотелось бы отвезти Мелоди домой. — Анджела как тисками сжимала руку Мелоди. — Моя дочь плохо себя чувствует, и это можно понять.

— Всем заинтересованным сторонам будет лучше, если мы покончим с этим сейчас. Это много времени не займет. Директор Моузбли, прошу нас извинить.

— Я считаю, что должна остаться как представитель школы и защитник интересов Мелоди.

— Представитель школы в данный момент не требуется, а интересы несовершеннолетней представляет ее мать. Вам придется выйти.

Судя по ее глазам, Моузбли могла бы возразить, но промолчала и, вздернув подбородок, вышла из кабинета.

— Почему бы тебе не присесть, Мелоди?

Две крупных слезы выкатились из голубых глаз Мелоди.

— Да, мэм. Мама?

— Я здесь, детка. Я тебя не оставлю. — Не выпуская руку дочери, Анджела села рядом с ней. — Для нее это было ужасно.

— Да, я понимаю. Мелоди, я запишу нашу беседу.

Девочка кивнула, уронив еще две безмолвных слезы. В эту минуту Ева пожалела, что так неудачно

распределила обязанности. И что на нее нашло? Надо было ей взять на себя место преступления и бросить Пибоди на опрос детей.

— Просто расскажи мне, что произошло.

— Мы пошли в кабинет мистера Фостера... э-э-э... мы с Рэйлин. Мы сперва постучали, потому что дверь была закрыта. Но мистер Фостер не возражает, если с ним надо поговорить во время завтрака.

— А тебе надо было поговорить с мистером Фостером?

— О сочинении. Мы с Рэй вместе пишем сочинение про «Билль о правах». Это мультимедийный проект, наш большой проект за вторую четверть. Его надо сдавать через три недели. Отметка в четверти на двадцать пять процентов зависит от него. Мы составили план и хотели показать ему. Мистер Фостер не возражает, если ему задаешь вопросы до урока или после.

— Хорошо. Где ты была до того, как пошла в кабинет мистера Фостера?

— У меня был завтрак, а потом классный час. Мы с Рэй попросили разрешения у мисс Хэлливелл уйти из классной комнаты на несколько минут раньше, чтобы поговорить с мистером Фостером. У меня есть пропуск.

И она сунула руку в карман за пропуском.

— Все в порядке. Итак, вы вошли в кабинет истории.

— Мы постучали. Мы разговаривали, а потом открыли дверь. Запах был ужасный. Я так и сказала. Я сказала: «Господи, какая жуткая вонь!» — Слезы хлынули градом из глаз Мелоди. — Простите меня, что я так сказала, но...

— Ничего, это нормально. Что было дальше?

— Я его увидела. Увидела, как он лежит на полу, и там было... о боже, вся эта рвота и все остальное... И Рэй закричала. А может, и я. Наверно, мы обе закричали. Мы выбежали, и мистер Доусон нас услы-

шал. Он бросился к нам по коридору и спросил, в чем дело. Он велел нам оставаться на месте, а сам вошел в кабинет. Я смотрела, как он вошел. И он очень быстро вышел и руку держал вот так. — Мелоди зажала себе рот ладонью. — Он вызвал миссис Моузбли по рации, по-моему. А потом пришла миссис Моузбли и вызвала медсестру. А медсестра, сестра Бреннан, пришла и отвела нас в лазарет. Она осталась с нами, а потом пришел мистер Колфакс и увел Рэй с собой. А я осталась с сестрой Бреннан, пока не пришла моя мама.

— А ты не видела, кто-нибудь еще входил в кабинет мистера Фостера? Или, может быть, выходил?

— Нет, мэм.

— Пока ты шла из своей классной комнаты в кабинет истории, ты кого-нибудь видела по дороге?

— Простите, я не помню. Нет, помню. Мистер Биксли выходил из туалета для мальчиков, и еще мы встретили мистера Доусона. Мы показали ему наш пропуск. Мне кажется, больше никого не было, но точно я не помню.

— Откуда ты знала, что мистер Фостер будет в кабинете истории?

— О, он всегда у себя в кабинете по понедельникам перед пятым уроком. Он всегда там завтракает по понедельникам. И он разрешает ученикам заходить и задавать вопросы в последние пятнадцать минут. Даже раньше, если это важно. Он очень добрый. Мама!

— Я знаю, знаю, детка. Лейтенант, прошу вас!

— Я почти закончила. Мелоди, вспомни, ты или Рэйлин дотрагивались до мистера Фостера или до чего-нибудь в кабинете?

— О, нет, мэм, мы ничего не трогали. Мы сразу убежали. Это было так ужасно... Мы убежали.

— Хорошо, Мелоди. Если вспомнишь что-нибудь еще, любой пустяк, я тебя прошу мне сказать.

Девочка встала.

— Лейтенант Даллас? Мэм?

— Да?

— Рэйлин сказала... Когда мы были в лазарете, Рэйлин сказала, что мистера Фостера увезут в большом мешке. Это правда? Вы так делаете?

— О, Мелоди... — Анджела повернула девочку лицом к себе и крепко обняла ее.

— Мы позаботимся о мистере Фостере, — сказала Ева. — Это моя работа — заботиться о нем, а я свою работу знаю. Это хорошо, что ты поговорила со мной. Это поможет в работе. Это поможет мне заботиться о нем.

— Правда? — Мелоди всхлипнула и перевела дух. — Спасибо вам. Я хочу домой. Можно мне уйти?

Ева встретилась взглядом с заплаканными глазами девочки, кивнула и перевела взгляд на мать.

— Мы с вами еще свяжемся. Спасибо вам за сотрудничество.

— Для девочек это был тяжелый удар. Страшный удар. Идем, родная. Мы едем домой.

Анджела обняла Мелоди за плечи и вывела ее из кабинета. Моузбли бросилась им навстречу.

— Директор Моузбли? У меня к вам вопрос.

— Я только провожу миссис Майлз-Бранч и Мелоди до дверей.

— Я уверена, что они сами найдут дорогу. Зайдите в кабинет.

На этот раз Ева не стала садиться, просто оперлась о письменный стол. Моузбли вошла, вся кипит и стиснув кулаки.

— Лейтенант Даллас, я прекрасно понимаю, что вам надо выполнять вашу работу, но меня приводит в ужас ваша пренебрежительная и высокомерная манера.

— Да, я поняла. У мистера Фостера была привычка приносить в школу свой собственный завтрак и напитки?

— Я... мне кажется, да. По крайней мере, не-

сколько раз в неделю. У нас, разумеется, есть столовая, пища сертифицирована диетологом. Пищевые автоматы, одобренные штатом. Но многие учителя предпочитают приносить завтрак с собой из дома. По крайней мере, время от времени.

— Он обычно ел один? У себя за столом?

Моузбли почесала лоб:

— Насколько мне известно, он завтракал у себя в кабинете два-три раза в неделю. Работа учителя не сводится к школьным часам. Нужно составлять планы уроков, проверять домашние задания и ставить отметки, нужно читать, готовить лабораторные работы. Кроме того, как и большинство других учителей, Крейг совершенствовал собственное образование, а для этого нужно читать и конспектировать. Он завтракал у себя за столом, чтобы работать во время еды. Он был очень предан своему делу. — Гнев как будто покинул ее. — Он был молод и полон планов. Он любил свою работу, любил учить детей, лейтенант Даллас, это было видно.

— У него были конфликты с кем-нибудь из коллег?

— Если и были, я об этом ничего не знаю. Он был общителен и дружелюбен. Я считаю, нам профессионально и по-человечески повезло, что он работал в нашей школе.

— Кого-нибудь увольняли в последнее время?

— Нет. В школе Сары Чайлд текучка кадров очень мала. Крейг работал с нами второй год. Он заполнил нишу, когда один из наших старейших учителей ушел на пенсию, проработав в школе пятьдесят лет. Из них больше половины — двадцать восемь лет — он проработал здесь, в школе Сары Чайлд.

— Как насчет вас? Сколько вы здесь проработали?

— Три года директором. Я уже двадцать пять лет работаю в школьной администрации.

— Когда вы в последний раз видели мистера Фостера?

— Мимоходом сегодня утром. — С этими словами Моузбли подошла к небольшому холодильнику и вытащила бутылку воды. — Он приходил пораньше, чтобы воспользоваться нашим фитнес-центром. Он делал это регулярно. Всем сотрудникам разрешается пользоваться тренажерами, виртуальными программами, бассейном и так далее. Крейг пользовался этой привилегией практически ежедневно. — Она со вздохом налила воды в невысокий стакан. — Хотите воды, лейтенант?

— Нет, спасибо.

— Я сама сегодня утром была в бассейне. Я как раз выходила, когда он вошел. Мы поздоровались. Я пожаловалась на дорожные пробки и пошла дальше. Я спешила. Слышала, как он нырнул в воду, — добавила Моузбли и отпила из стакана. — Я услышала плеск, когда открывала дверь в раздевалку. О боже!

— В котором часу это было?

— Примерно в семь тридцать. У меня была назначена телефонная конференция на восемь часов, и я уже опаздывала, потому что задержалась в бассейне. Я была сердита на себя и практически не разговаривала с Крейгом.

— Где он держал свой завтрак?

— Как где? В своем кабинете, я полагаю. Может быть, в учительской столовой, но я не припоминаю, чтобы он что-то клал в холодильник или в шкаф в учительской столовой. Я такого не видела.

— Кабинет истории запирается?

— Нет. Школа, разумеется, охраняется, но классные комнаты и кабинеты не запираются. В этом нет смысла, тем более что программа Сары Чайлд основана на ответственности и доверии.

— Хорошо. Можете послать за второй свидетельницей. Рэйлин Страффо.

Моузбли вскинула голову, но на этот раз в ее жесте не было ничего царственного.

— Как насчет других учеников? Учителей?

— Нам нужно будет опросить учителей и других сотрудников, прежде чем они покинут здание. Учеников можете распустить, но мне нужен регистрационный список.

— Очень хорошо.

Оставшись одна, Ева вынула рацию и вызвала Пибоди:

— Доложи обстановку.

— Тело вывозят. Прибывший медэксперт согласен с версией отравления, но окончательный диагноз поставит, только когда клиент будет на анатомическом столе. «Чистильщики» на месте. Похоже, убитый работал на своем компьютере в момент смерти. Готовил контрольный вопросник на следующий урок.

— Вот и мотив, — мрачно пошутила Ева.

— Я терпеть не могла контрольные вопросники. По-моему, они не конституционны. Проверила компьютер по-быстрому, обнаружила, что убитый послал с него письмо по адресу LFoster@Blackburnpub.com сегодня в двенадцать ноль шесть. До этого никаких входящих или исходящих сообщений.

— Имя жены — Лиссет. Содержание?

— Просто любовное письмо с предложением взять из ресторана готовый обед по дороге домой с работы. Адресат ответил согласием в том же тоне в четырнадцать сорок восемь. Ответное письмо осталось непрочитанным.

— Хорошо. Я жду вторую свидетельницу. Пошлю к тебе директоршу, пусть она тебя где-нибудь устроит. Начиная опрашивать персонал. В каждом случае отмечай время. Надо составить хронологию. Часть я возьму на себя, как только покончу с девчонкой. А ты пока установи рабочий и домашний адреса жены. Мы ее известим, когда закончим здесь.

— Веселье никогда не кончается, — вздохнула Пибоди.

Ева отключила связь. Тут открылась дверь, и вошла директор Моузбли, держа руку на плече девочки.

Эта девочка была блондинкой. Каскад кудрей мог бы упасть ей на лицо, если бы не сиреневый обруч. Обруч очень шел к ее фиалковым глазам, но в этот момент они были вспухшие, зареванные. Чистая кожа, простодушное личико с чуть вздернутым носом. Полные розовые губки вздрагивали.

Она была в такой же школьной форме, что и Мелоди, но на лацкане блейзера у нее была приколотая маленькая золотая звездочка.

— Рэйлин, это лейтенант Даллас. Лейтенант, Рэйлин здесь со своим отцом Оливером Страффо. Если я вам понадобится, я буду за дверью.

— Садись, Рэйлин.

— Лейтенант.

Оливер тоже не выпускал руки дочери. Его голос резонировал, как у хорошего актера в театре. Он был высокий и светловолосый, как и его дочь. Но глаза у него были серо-стальные. Ева уже видела эти глаза раньше. В суде.

Влиятельный, высокооплачиваемый, широко известный адвокат.

«Вот дерьмо», — с досадой подумала Ева.

2

— Я даю разрешение на эту беседу, — начал он, — в данное время в данном месте, так как считаю, что это в интересах моей дочери, ее здоровья, прежде всего эмоционального. Однако, если тон беседы или ее содержание мне не понравятся, я прерву разговор и уведу отсюда свою дочь. Надеюсь, это понятно?

— Ясное дело. Я как раз собиралась достать «испанский сапог» и дыбу, да вот не помню, куда я их

задевала. Садись, Рэйлин. Просто расскажи мне, что ты видела.

Рэйлин взглянула на отца. Когда он кивнул, она села, как и он, держа спину прямо. Завидная осанка!

— Я нашла мистера Фостера. Со мной была Мелоди. Это было ужасно.

— Объясни мне, как это случилось, что ты его нашла. Как ты попала в кабинет истории в это время?

— Да, мэм. — Рэйлин сделала глубокий вдох, словно готовилась отвечать в классе у доски. — Я была в своей классной комнате, у нас был классный час. Но мне очень нужно было поговорить с мистером Фостером о проекте. Мы его готовим вместе с Мелоди. Это очень важный проект, и я хотела получить хорошую оценку. Из этих оценок складывается общий балл по истории США за вторую четверть, поэтому высокая оценка за сочинение была для меня так важна. Я старалась, как могла. Я первая ученица в классе, а этот проект — самый важный за вторую четверть.

— Ладно, я поняла. Итак, ты ушла с классного часа в кабинет мистера Фостера.

— Да, мэм. Мисс Хэлливелл дала нам пропуск, чтобы мы могли зайти в кабинет мистера Фостера до начала урока. Он всегда завтракает у себя в кабинете по понедельникам и разрешает ученикам заходить в последние пятнадцать минут перед уроком, если им нужно посоветоваться.

— В котором часу ты ушла из своей классной комнаты?

— У меня есть пропуск. На нем отмечено время. — Опять Рэйлин оглянулась на отца, словно спрашивая разрешения, потом вытащила пропуск. — У меня есть, и у Мелоди тоже. Это школьное правило. Тут написано «двенадцать сорок семь».

Ева мысленно отметила для себя, что надо будет пройти этот путь и засечь, сколько времени на это понадобится.

— Ты отправилась из своей классной комнаты напрямик в кабинет мистера Фостера.

— О да, мэм. Слоняться по коридорам между уроками — это нарушение правил, а если три раза нарушишь правила за тридцать дней, сбавят оценку по поведению. — У нее был такой благодетельный голосок, что Ева сразу вспомнила: Рэйлин — как раз из тех девочек, чьего общества она сама всеми силами избегала, когда училась в интернате. — У меня в табеле нет нарушений.

— Молодец. И сколько тебе потребовалось, чтобы добраться из своего класса в кабинет истории?

— О, минуты две, не больше. Может, три? Я точно не знаю, но мы пошли прямо в кабинет мистера Фостера, нигде не задерживаясь. Мы разговаривали о нашем проекте, обсуждали разные идеи. Дверь была закрыта. Мы сперва постучали, а потом открыли. Пахло ужасно. Меня даже затошнило. Мелоди сказала, что плохо пахнет, и... — Рэйлин сжала губки. — Я засмеялась. Простите меня. Я же не знала, папочка! Я не знала.

— Все в порядке, Рэй. Конечно, ты не знала.

— А потом мы его увидели. Он там лежал, и он... — Она дважды икнула, а потом просто переползла со стула на колени отцу.

— Все хорошо, детка. Все хорошо, Рэй. — Поглаживая волосы Рэйлин, Оливер Страффо устремил взгляд на Еву. — Лейтенант?

— Вы же понимаете, я должна закончить. Вы прекрасно знаете, насколько важны детали. И получить их нужно как можно скорее.

— Я больше ничего не знаю. — Теперь голос Рэйлин звучал глухо: она прижималась лицом к груди отца. — Мы побежали. Мы убежали оттуда. Там был мистер Доусон, он велел нам стоять на месте. Мне кажется, я села. Я сидела на полу, и мы плакали, а потом мистер Доусон вернулся. У него руки

дрожали. Он вынул свою рацию и вызвал директора Моузбли.

— Ты не видела кого-нибудь еще? Кто-нибудь еще входил в кабинет истории?

— Директор Моузбли подошла к двери, потом она позвала медсестру, и они отвели нас — меня и Мелоди — в лазарет.

— А по пути в кабинет истории ты видела кого-нибудь?

— Да, мне кажется, мистер Биксли вышел из туалета для мальчиков. У него в руках был ящик с инструментами, потому что там одна раковина засорилась. Но это было раньше, до того, как мы встретили мистера Доусона и показали ему пропуски. Я первая вошла в кабинет. Я первая его увидела. — Рэйлин подняла залитое слезами лицо. — Я не понимаю, как мистер Фостер мог умереть. Я не понимаю. Он был моим любимым учителем.

Ее плечики затряслись, она опять прижалась к отцу.

— Вряд ли вы что-то еще от нее узнаете, — тихо проговорил Оливер Страффо. — Я забираю ее домой.

— Если она еще что-то вспомнит...

— Если вспомнит, я дам вам знать.

Он встал, держа дочь на руках, и вышел из кабинета.

Ева начала с Эрика Доусона. Он был учителем естествознания, лет пятидесяти пяти, преподавал в этой школе пятнадцать лет. Небольшое брюшко, заметила Ева, но, судя по тому, что рубашка была натянута на нем, как на барабан, а пуговицы едва не отрывались с мясом, видимо, сам Доусон предпочитал этого не признавать. В рыжеватых волосах кое-где, особенно на висках, заметно проступала седина. Под усталыми светло-кариими глазами лежали мешки.

— Я не входил, — сказал он Еве. — На шаг или

два, не больше. Я и так увидел... Любой понял бы, что Крейг мертв. Сначала я рассердился на девочек. Весь этот визг! Я думал, они увидели паука или еще какой-нибудь вздор в этом роде. — Доусон помолчал, провел рукой по лицу. — Но как только я их увидел... Даже глупые девчонки не могут закатить такую истерику из-за паука.

— Вы кого-нибудь еще видели? Кроме двух девочек?

— Я только-только вышел из учительской столовой, там были Дэйв Колфакс и Рид Уильямс. Мы вместе завтракали. Мы иногда встречаемся за завтраком. И я столкнулся в дверях с Ли-Энн Говард, она как раз входила. Я шел в химическую лабораторию, собирался готовиться к следующему уроку.

— Когда вы в последний раз видели мистера Фостера живым?

— О боже, боже! В учительской столовой этим утром перед началом уроков. Я пил кофе, а он купил в автомате банку пепси. Он не пил кофе. Я над ним подшучивал, потому что он не пил кофе. Мы немного поговорили. У нас есть один ученик, Брэдли Кертис. У него родители разводятся, и у Брэда стала снижаться успеваемость. Мы договорились, что надо бы встретиться с его родителями и консультантом-психологом. Да, потом зашел Рид. Хотел по-быстрому перехватить чашку кофе. Когда я уходил, они обсуждали какой-то боевик, который оба недавно видели. Больше я его не видел, пока...

— Какие у вас были отношения?

— С Крейгом? Он мне очень нравился. Очень, очень нравился, — тихо повторил Доусон. — Я, честно говоря, не очень в него верил, когда он поступил к нам на работу в прошлом году. Он был так молод... Самый молодой учитель в школе. Но он восполнял отсутствие опыта преданностью и трудолюбием. Он очень любил свою работу, любил учеников. Наверно, он был болен и сам об этом не знал. Наверно, у него

была какая-то скрытая болезнь. Вот так умереть... Это уму непостижимо!

Те же чувства разделяли и остальные коллеги Крейга Фостера, с которыми Ева побеседовала. Последним был Рид Уильямс, преподаватель английского языка и литературы. Вот он-то был в прекрасной форме, никакого брюшка, отметила Ева. Подтянутый, атлетически сложенный, он явно активно пользовался фитнес-центром при школе. Густые каштановые волосы с отдельными золотистыми прядями. Крашенные, решила Ева, чтобы сымитировать, будто выгорели на солнце. Мощная челюсть, раздвоенный подбородок, твердый рот. Зеленые глаза, обрамленные густыми темными ресницами.

Тридцать восемь лет, не женат, в хорошем костюме, на который ушла небось львиная доля месячного жалованья.

— Я видел его утром в фитнес-центре. Он занимался на тренажерах, когда я вошел. Не люблю разговаривать во время тренировки, так что я ему просто кивнул. Я бы сказал, мы провели там вместе минут двадцать. Он вышел первым, помахал мне. Обычно после тренировки он устраивал заплыв в бассейне. Я пробыл в зале еще минут десять. Принял душ, оделся. Потом я снова увидел Крейга в столовой с Эриком. С Эриком Доусоном.

— У мистера Фостера что-нибудь было с собой?

— С собой? Нет, только банка пепси. Мы много поговорили о кино, а потом разошлись по кабинетам. Потом я с ним снова столкнулся в уборной для персонала. — Уильямс улыбнулся. В дополнение к раздвоенному подбородку при улыбке у него появлялась ямочка на левой щеке. — Перекинулись парой слов. Ну типа «Как дела?». Мне кажется, это было где-то около одиннадцати. Каждый урок начинается точно с началом часа. Я не опоздал.

— Какие у вас были отношения?

— Хорошие. Мы прекрасно ладили.

— Вы оба любили боевики. Встречались в нерабочее время?

— Да, конечно, время от времени. В прошлом году я был у него на свадьбе, там практически все были. Пару раз вместе пили пиво. — Уильямс пожал плечами. — Мы не были закадычными друзьями, но хорошо ладили. Кто его лучше знает вне школы, так это Мирри.

— Мирри?

— Мирри Хэлливелл. Английский, литература и драмкружок. Они встречались после школы.

— Общались, — уточнила Ева.

— Точно. — Он улыбнулся, но это была не просто улыбка, это была ухмылка. — У них есть постоянное время. По вечерам. Они вместе занимались.

Покончив с первичным опросом, Ева связалась с Пибоди по рации:

— Биксли.

— Эрнандо М., техник-смотритель. Разбирался с засоренной раковиной в мальчишеском туалете. В том же коридоре, где кабинет Фостера. Когда выходил, встретил двух свидетельниц и Доусона.

— Флюиды?

— По нулям. Ему под семьдесят, работает здесь двенадцать лет. Здесь учатся двое его внуков. У служащих есть льгота. Надежный человек.

— Хэлливелл.

— Мирри С., закончила с ней четверть часа назад. Преподает английский, ведет драмкружок, ставит пьесы в школьном театре. Я как раз собираюсь побеседовать с последним в моем списке. А что насчет Хэлливелл? Есть какие-то подозрения? Флюидов от нее я тоже не уловила.

— Хочу провести быструю проверку. Если она еще здесь, я ее найду. Свяжись со мной, когда закончишь.

— Она была вся в кусках... Я имею в виду Хэлливелл. Можно заглянуть в туалет. Я бы сказала, ей надо перед уходом привести себя в порядок.

По наводке Пибоди Ева проверила туалет для преподавателей — ближайший к столовой, где Пибоди проводила опрос. Открыть дверь можно было только при помощи карточки. Ева воспользовалась своим универсальным полицейским ключом.

Она обнаружила женщину, рыдавшую, сидя на полу возле ряда раковин.

— Мирри Хэлливелл?

— Да. Да. — Женщина подавила рыдание, всхлипнула, промокнула лицо бумажной салфеткой. Лицо пошло пятнами после приступа плача, голубые глаза опухли. У нее были темные волосы, безжалостно укороченные в стрижке «Цезарь», в ушах — маленькие серебряные колечки. — Простите, вы из полиции? Я уже говорила с детективом.

— С моей напарницей, — подтвердила Ева. — Я лейтенант Даллас. Мне нужно задать вам еще несколько вопросов.

— О боже, боже! Я не знаю, что мне делать. Не знаю, что говорить.

Ева присела на корточки рядом с ней.

— Это тяжело, когда коллега так внезапно умирает.

— Это не просто тяжело, это чудовищно. Мы были не просто коллегами, мы были друзьями. Добрыми друзьями. Мне кажется, то, что происходит... Этого просто не может быть.

— Вы были друзьями. Насколько близкими?

Мирри вскинула голову:

— Какой ужасный намек. Как это ужасно — думать так о человеке, каким был Крейг. О человеке, который больше не может говорить за себя.

— Теперь я говорю за него. Это моя работа.

— Ну, если уж вы собираетесь говорить за него, вам следует знать, что Крейг любил свою жену. Они

любили друг друга. Я завидую тому, что у них было. Я и с ней тоже дружу. Я ее друг, и я даже не представляю, как помочь ей пережить все это.

— Вы с Крейгом встречались каждую неделю в нерабочее время.

— Мы вместе занимались по средам. — В заплаканных глазах вдруг вспыхнул огонь. — Ради всего святого, для таких, как вы, все сводится только к этому?

— Если все было так невинно, чего же тогда злиться? — парировала Ева.

— Потому что он умер. Умер! — Мирри судорожно перевела дух. — Мы оба работали над магистерской диссертацией. Мы шли в библиотеку или в кофейню, вместе занимались пару часов. Потом иногда выпивали по кружке пива. Мы собираемся... О боже, я хочу сказать, мы собирались завтра в кино. Крейг, Лисси и этот парень, с которым они меня познакомили. Терпеть не могу, когда меня с кем-то знакомят, но они меня уговорили... Это было еще в январе. И ничего, в общем-то, пока все нормально. Поэтому мы ходим... ходили на двойные свидания.

— Мирри, если у вас с Крейгом что-то было, сейчас самый подходящий момент признаться в этом.

— Мне не в чем признаваться. Уж не настолько я жажду обзавестись кавалером, чтобы браконьерствовать, да еще на территории моей подруги. — Мирри потеряла глаза кулачками. — Я хотела позвонить Лисси. Хотела зайти сюда и позвонить ей, хотя нам велели никому не звонить. Я подумала, уж это я могу для нее сделать, это мой долг. Она должна услышать об этом от друга. Но я не смогла. — Мирри подтянула колени к груди и прижалась к ним лицом. — Я просто не смогла. Я не знала, что сказать, как сказать... У меня духу не хватило.

— Это наша обязанность.

— А что вы можете сказать? — рассердилась